

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

ФЕДЕРАЛИЗМ М. П. ДРАГОМАНОВА**

Аннотация: Михаил (Михайло) Петрович Драгоманов (1841–1895) — видный деятель так называемого освободительного движения в Российской империи, одна из ключевых фигур в истории украинского национального движения XIX в., известный историк и этнограф. В силу различных обстоятельств в XX в. его вклад в развитие российской общественной мысли оказался относительно недооценен: в частности, вне фокуса исследовательского внимания пребывали его труды по федерализму, в которых он стремился не только дать приложение существующих теорий к условиям Российской и Австро-Венгерской империй, но и, идя от конкретной проблематики, в частности, вопросов, порождаемых национальными движениями так называемых молодых наций, пересмотреть существующие теоретические модели. Особенный интерес, на наш взгляд, представляет его попытка соединить анархистское и публично-правовое понимание федерализма; обновить конституционалистский проект на правах человека и гражданина. Внимание Драгоманова к федералистской проблематике отчетливо фиксируется с начала 1870-х гг., однако полноты развития его теоретические взгляды достигают в 1882–1884 гг., в условиях обсуждения программы «Земского союза» (фиктивной организации, провокаторского проекта Священной дружины) и опыта приложения основных положений последней к украинским условиям. Чутко реагируя на текущую западноевропейскую политическую повестку и стремясь осуществить трансляцию актуальной проблематики в российскую общественную мысль, Драгоманов в рамках разработки федералистского проекта особенно останавливается на вопросах защиты прав меньшинств, представительства последних, возможности совместить территориальные принципы политической организации и национальную неоднородность. Предложенные им подходы к федералистской проблематике оказались далеко не в полной мере востребованы российскими конституционными дискуссиями начала XX в., в том числе и в рамках украинского национального движения, — однако они представляют большой интерес как опыт осмысления возможного пути трансформации имперских порядков в условиях перехода к позднему модерну.

Ключевые слова: автономизм, анархизм, конституционализм, национализм, областничество, федерализм, украинофильство.

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., доцент, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск), mestr81@gmail.com.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Исследование проведено в рамках международного научно-образовательного сотрудничества по программе «Иммануил Кант» по теме: «Федералистские проекты в истории русской и украинской общественной мысли XIX века», № 28.686.2016/ДААД.

Проблематика федерализма в российской общественной мысли второй половины XIX века пережила несколько периодов подъема и ослабления как публичного, так и теоретического внимания. Предсказуемым образом федерализм оказывался в центре внимания в те моменты, когда вопрос о переустройстве Российской империи представлялся переходящим в практическую плоскость или близким к этому — федерирование в этом случае выступало как альтернатива текущему положению вещей; иной, новый принцип организации. Соответственно, в те годы, когда порядок вещей представлялся стабильным, и перемен принципиального плана не приходилось ждать ни «сверху», ни «снизу», споры о федерализме уходили на второй план; у различных идеологических «лагерей» исчезал актуальный мотив к проблематизации собственных позиций по этому вопросу, равно как и к тому, чтобы уделять серьезное внимание тонкостям позиций оппонентов.

Впрочем, степень конкретизации позиций сторон и в период активизации общественно-политической борьбы применительно ко второй половине XIX в. не следует преувеличивать: в большинстве случаев участники полемических столкновений определяли собственные позиции предельно общим образом, причем значимым оказывалось не столько противопоставление унитарного государства федеральному, сколько централизма — автономии. Примечательно, что еще в 1917 г. в брошюре, выпущенной Московской правительственной комиссией при Временном комитете Государственной Думы, профессор Санкт-Петербургского университета А. С. Яценко, обращаясь к достаточно образованной аудитории, начинал с констатации, что и сейчас «многие говорят о федеративной республике, не давая себе точного отчета о том, что в сущности такое федеративное государство» (Яценко, 1917: 3), и отмечал:

Обычное заблуждение заключается в том, что смешивают автономию с федерацией, и высказываясь за дарование автономии той или иной области, предполагают, что вместе с тем становятся на федеративную точку зрения (там же: 4).

В еще большей степени это приходится сказать о содержании дискуссий предшествующей половины столетия: *как* для оппонентов существующего строя, так и для многих из его защитников существовал консенсус не только по поводу негативного отношения к бюрократии, но и в отношении того, что эффективное противодействие последней

возможно путем оживления, привлечения «местных сил»¹. Одним бюрократия виделась неизбежным следствием существующего политического строя — самодержавная монархия в современных условиях порождала бюрократический способ управления, придавая бюрократии бесконтрольную власть — и выходом здесь виделось народное представительство, сопряженное с комплексом политических свобод (свободы слова, собраний, печати и т. д.), способных поставить первую под контроль; другим, напротив, и бюрократическое правление, и конституционалистские стремления представляли принципиально однородными, и в том, и в другом случае выступая удалением от «истинного самодержавия», средостением между «монархом» и «народом», образуемым чиновничеством и/или профессиональными политиками. Однако независимо от того, в чем виделась причина существующего положения вещей, в первоначальной характеристике проблемы политические оппоненты совпадали: К. П. Победоносцев не в меньшей степени, чем И. И. Петрункевич, считал желаемым пробуждение самодеятельности, преодоление бюрократического окостенения (см.: Полунов, 2010). С конца 1850-х гг. голосов противоположного рода, принципиальных сторонников централизации, слышно очень немного (поэтому в свое время, в конце 1850-х гг., стало столь заметным выступление Б. Н. Чичерина, пошедшего «против течения» в полемике со сторонниками самоуправления, в том числе с М. Н. Катковым, в это время проповедовавшего английский опыт как наилучший ориентир для российских реформ (см.: Чичерин, 1858; Чичерин, 2010: 350–357). «Централизация», в тех случаях, когда она отстаивалась, принималась либо как неизбежное зло, либо как временная мера, либо как мера, эффективная для решения конкретной проблемы или организации конкретного дела, — но весьма редко выступала как желаемое состояние.

Как отмечает применительно к спорам позднейшего времени — начала XX в. — Т. И. Хрипаченко, для «либералов и социалистов» понятия федерации и автономии имели принципиально различное наполнение:

Для либералов оба эти понятия характеризуют устройство государства. В случае *федерации* речь идет о соединении государства, в случае *автономии* — о перераспределении полномочий между центральными и местными органами

¹Так, во многом именно на этой логике базировался первоначальный вариант предложений А. Д. Пазухина (Пазухин, 1886), в дальнейшем трансформировавшийся в закон о земских начальниках 1889 г. (Захарова, 1968; Христофоров, 2011: 337–342).

одного и того же государства. Для социалистов же и *автономия* и *федерация* — способы организации самого общества, и эти понятия воспринимаются как две стороны одного и того же отношения. *Автономия* — это отношение низшей ступени иерархии общины к более высокой, отношение части к целому, тогда как *федерация* — это отношение частей между собой в рамках объединения их в какое-либо целое (Хрипаченко, 2012: 140–141).

В значительной степени это противопоставление можно перенести и на предшествующий этап в истории российской общественной мысли, — с той оговоркой, что для 1850–1880-х гг. степень отчетливости понятий была еще меньшей, чем в период между первой и второй русскими революциями — и, одновременно, что в это время сами «социалистические» и «либеральные» позиции еще только вырабатывались. Напомним, что сколько-нибудь последовательно о «социалистической» идеологии (последней из так называемых трех больших идеологий XIX в.) возможно говорить лишь с 1830-х гг., когда после июльской революции происходит размежевание позиций в лагере бывших «радикалов», тогда как последовательное самоопределение позиций придется на период революций 1848 г. (см.: Валлерстайн, Проценко, 2016).

В данном контексте особенный интерес представляет фигура Михаила Петровича Драгоманова²: если для большинства его современников споры о «федерализме» носили довольно абстрактный характер, а само понимание федерализма редко конкретизировалось и еще реже переносилось в практическую плоскость, попытку применить общие принципы к возможному преобразованию Российской империи, то для Драгоманова данная проблематика находилась в центре внимания на протяжении многих лет. Выбрав путь эмиграции и создания заграничного центра украинского национального движения (Грушевский, Тесля, 2014), Драгоманов вскоре, после вынужденного переезда из Вены в Женеву, оказывается деятельным участником дискуссий среди российских эмигрантов³. Однако при этом необходимо подчеркнуть сложность позиции, занятой Драгомановым: он одновременно был заметной фигурой

²См. о нем: Заславский, 1924; Заславский, 1934; краткая характеристика взглядов: Тесля, 2014.

³В. Засулич вспоминала: «Когда летом 1878 года я приехала в Женеву, Драгоманов стоял в центре эмиграции. К нему первому вели каждого вновь приехавшего; у него по воскресеньям собиралась чуть не вся эмигрантская колония: он принимал деятельное участие во всем, касавшемся эмиграции. Его крайний „федерализм с автономией земских единиц, начиная с общины“, казался близким к анархии» (Засулич, 1931: 106). См. также: Аксельрод, 1923: 185–186.

в российской политической эмиграции и участвовал в спорах о самых фундаментальных вопросах революционной борьбы, — и в то же время последовательно проводил границу между собой и большинством иных участников подобных споров. Так, обращаясь к редакции газеты «Голос» в 1880 г. он писал:

Начнем с покорнейшей просьбы выключить нас не только из «русской социально-революционной», но и из какой бы то ни было «русской» партии. Мы хотя и родились от «подданных» русского императора, но мы не русский ни в одном из тех двух смыслов этого слова, в каких оно обычно употребляется. Мы не *великорусс*, — а *украинец*... (Драгоманов, 1906: 287).

Фигура Драгоманова в конце 1870-х — начале 1880-х гг. с трудом поддавалась идентификации в рамках принятых в это время политических категорий: он не столько принадлежал к какой-либо существующей партии, сколько пытался создать свою собственную. Во-первых, как уже было отмечено ранее, он определял себя с конца 1870-х годов как «украинца», одновременно отмежевываясь от названия «украинофильства», т. е. определяя себя как представителя народа, а не некоего чуждого, внешнего по отношению к нему лица, способному испытывать симпатию или антипатию, *phili'ю*. Более того, во второй половине 1870-х гг. Драгоманов трактовал Российскую империю как «великорусскую» (там же: 208, 215), подчеркивая, что выступает от лица «нации, которая не только подавляется в „русском“ государстве, в *России*, и правительством, а отчасти и обществом господствующей национальности, но и помещается и за пределами России — в Австро-Венгрии» (там же: 287).

Во-вторых, Драгоманов, принимая во многом социалистическую повестку, решительно расходился с преобладающим в эти годы среди российского общественного движения пониманием «социализма», исключавшим политическую проблематику или отводившим ей второстепенное значение. Он стремился сочетать либерализм и социализм, утверждая, что вне возможности реального осуществления прав, в том числе прав экономических, они остаются пустым звуком, — и в то же время социалистические требования должны опираться в первую очередь на индивидуальные права.

В-третьих, для Драгоманова, в отличие от преобладающего среди российских социалистов 1870-х годов, принципиальную значимость имел «национальный вопрос», т. е. роль национальных движений и национального фактора. В условной «национальной нейтральности» российского социализма он видел подспудное утверждение русского национального

доминирования, тем более эффективное, что оно осуществлялось через отрицание самой проблематики (см.: Драгоманов, 1883). Кратко формулируя цель современных национальных движений, он определял ее как «единение людей *вглубь общества* (выделено нами — А. Т.)» (Драгоманов, 1906: 194, т. е. образование общественной солидарности поверх конфессиональных или сословных границ. Глубине понимания Драгомановым проблем федерализма сильно способствовали его связи с галицийскими украинскими политическими силами, возникшие в самом начале 1870-х гг. В отличие от Российской империи, где подобного рода вопросы носили по преимуществу умозрительный характер, в Австро-Венгрии федералистская проблематика была прямо связана с дискуссиями о политических преобразованиях в империи: и политические партии, и группы стремились, в зависимости от ставимых ими целей и отстаиваемых интересов, дать преобладание той или иной трактовке федерализма. В 1873 г. в «Вестнике Европы», знакомя читателей с положением дел в Галиции, Драгоманов, характеризуя «народовцев» (галицийскую украинскую партию), писал:

Скорее можно видеть в галицийских народовцах один из зародышей, у австрийских народов, партии действительно будущей Австрии, чем партии, которая бы была готова прислуживаться и даже полагаться на какую-либо из существующих и силу имеющих в Австрии партий, не только централистической, но и федералистической. [...] галицийская народная партия желает федерализма не коронных земель, а народов в Австрии... (Драгоманов, 1908: 363).

Тем самым Драгоманов ситуативно выделяет два типа федерализма: (1) «федерализм земель» и (2) «федерализм народов». В первом случае речь идет об опоре на исторические права и привилегии: каждая из земель, входящих в состав владений дома Габсбургов, обладает своим особым статусом, и в рамках преобразования австрийского государственного строя пересмотр этих прав неизбежен, как он и происходил на протяжении всей предшествующей истории, — однако каждая из земель вступает в соглашение с центральным правительством, опираясь на свои особые права, и изменение в конце концов оказывается результатом соглашения, которое дает начало новому статусу данной земли. Во втором случае, случае «федерализма народов», логика универсального сочетается с логикой частного: «народы» мыслятся обладающими равными правами и именно это постулируемое равенство обосновывает пересмотр существующих прав земель, которые в этом случае трактуются как привилегии, т. е. преимущество, предоставляемое одним за

счет других и в политическом смысле означающее господство одних над другими; при этом подчиненный статус по отношению к имперскому центру компенсируется преобладанием в пределах «земли». Первый тип федерализма исторически оказывается эффективной основой сопротивления централизму, позволяя соединить интересы традиционных местных элит, которым угрожает центр, с новыми поднимающимися национальными силами, — однако в дальнейшем он сам оказывается «централистским» теперь уже на своем, местном уровне. Анализируя австрийский материал, Драгоманов писал в 1873 г.:

Не подлежит сомнению, что даже теперь приведение в исполнение требований т.н. «*staatsrechtliche Opposition*», т.е. федерализма коронных земель в Австрии, раздробив силы централистического бюрократизма и поставив лицом к лицу в каждой отдельной земле борющиеся народности, повело бы к постепенному торжеству федерализма народностей и федерализма демократического.

Но сильная доза централизма второй руки, которая присутствует в тенденциях земских федералистов, не малая доза феодализма, клерикализма, их неспетость и непоследовательность составляют причину неуспешности борьбы их с централистами и заставляют ожидать сформирования и союза между собою настоящих народно-демократически-автономных партий.

Во всяком случае в разных местах Австрии, из разных народов, не исключая и немцев, мы видим пока еще слабые ростки такой действительно демократической партии, которая логически должна прийти и к равноправию народностей, и к самоуправлению народных областей. Будет ли это народовластие более обеспечено новым разделением коронных земель по народностям или общим имперским законом о народностях и проведением принципа общинного и кантонального самоуправления, это покажет будущее... (Драгоманов, 1908: 364).

Украинская оптика, в особенности глубокое знакомство с галицийскими делами, делает Драгоманова чувствительным к диалектике «освободительного движения» и стремления к «национальной независимости»: польское национальное движение, стремящееся к достижению максимально возможной для себя политической свободы в пределах трех империй, между которыми была разделена Речь Посполитая, одновременно оказывается, в случае Австро-Венгрии, доминирующим над русинами и проводящим или по крайней мере пытающимся проводить политику «полонизации», типологически аналогичной политикам «русификации» и «германизации», осуществляемым различным образом

Российской империей в Западных губерниях и Царстве Польском и Германской империей в Великом герцогстве Познанском.

В связи с этим для Драгоманова на протяжении 1870-х – начала 1880-х гг. проблематика «федерализма» серьезным образом трансформируется: вопрос теперь не только и отчасти не столько в достижении «национальной самостоятельности», сколько в том, чтобы создать условия, не допускающие политического преобладания одной национальности над другой или, во всяком случае, создающие значимые гарантии для защиты «национальной самостоятельности» каждой из национальных групп.

В теоретическом плане федералистские построения Драгоманова являются довольно успешным опытом синтеза анархистского понимания «федерализма», воспринятого от Прудона и Бакунина, и конституционалистской, публично-правовой интерпретации последнего. Переходным звеном, позволяющим Драгоманову сочетать две теоретические традиции, служит политический и юридический индивидуализм — трактовка политических прав как в первую очередь прав человека и гражданина. Следует отметить, что Драгоманов далеко не сразу пришел к подобному пониманию: наиболее отчетливо оно зафиксировано в «Опыте украинской политико-социальной программы» (1884), тогда как ранее, в текстах 1870-х и начала 1880-х гг., он, стремясь обосновать националистические требования, выдвигает в некоторых случаях «национальность» как отдельный субъект, который сам по себе может мыслиться обладающим правами, а не как производную от прав лиц, объединенных в это сообщество (см., напр.: Драгоманов, 1882: 29). В анархистской трактовке «государство» противопоставляется «федерации» как два принципа организации социального порядка — «сверху вниз» или «снизу вверх» (см.: Шубин, 2007; Тесля, 2015), т. е. «федерация» понимается как неотчуждаемость суверенитета от конкретной личности: последняя лишь делегирует полномочия, входит в те или иные общественные союзы, сохраняя за собой право выхода из них, равно как и любой конкретный союз, входящий в другой, не поглощается им — иному союзу передается каждый раз ограниченная компетенция, а неограниченной компетенцией обладает лишь индивид в силу своего суверенитета. Как и в любой другой теории суверенитета, вопрос о праве не подменяет собой вопроса о возможности или о целесообразности, — в реальности для любого индивида крайне затруднена возможность реализовать свою суверенность, но данное понимание социального и политического выступает для Драгоманова в качестве нормативного идеала: чем

в большей мере приближается к нему конкретная практика, тем она предпочтительнее.

Наиболее обстоятельная проработка и изложение воззрений на проблематику федерализма и национализма осуществляется Драгомановым в начале 1880-х гг., когда он сначала сотрудничал в «Вольном слове»⁴, а затем и редактировал его. С начала 1880-х, во многом опира-

⁴Женевский журнал, издававшийся в 1881–1883 гг. «Святой дружиной». О характере сотрудничества Драгоманова в этом издании и его связях с антиреволюционной тайной организацией, основанной в апреле 1881 г. после убийства Александра II народовольцами, имеется обширная литература. В историческом плане вопрос был поднят В. Я. Богучарским в 1912 г. и вызвал острую реакцию со стороны Б. А. Кистяковского и его единомышленников, стремившихся отрицать информированность Драгоманова о лицах, в действительности стоявших за изданием «Вольного слова». В дальнейшем в дискуссию вступил и зять Драгоманова, И. Д. Шишманов, опубликовавший в «Вестнике Европы» 1913 и 1914 гг. серию материалов, посвященных конституционалистским планам графа П. П. Шувалова, одного из ключевых деятелей «Святой дружины», ответственного за заграничную деятельность организации. Накал полемики был связан с тем обстоятельством, что Драгоманов с полным основанием рассматривался как один из предшественников конституционно-демократической партии («Партии народной свободы». — См.: Драгоманов, 1906: XXXV), а его политические сочинения в 1905–1906 гг. были изданы в парижской типографии «Освобождения»; публикацию начал П. Б. Струве, а после его возвращения в Россию, ставшего возможным по издании манифеста 17 октября 1905 г., продолжил Б. А. Кистяковский (Драгоманов, 1905; Драгоманов, 1906), в 1908 г. вместе с И. М. Гревсом уже в России издавший еще один том политической публицистики Драгоманова, не вошедшей в парижское издание (Драгоманов, 1908). Тем самым вопрос о сотрудничестве Драгоманова со «Святой дружиной» и степени сознательности подобного сотрудничества имел и актуальное политическое значение, со стороны эсеров (к которым принадлежал Богучарский) и других представителей социалистического лагеря воспринимаясь как свидетельство политической «двусмысленности» и «двуличности» либерального движения; в свою очередь для деятелей кадетского лагеря стремление оправдать Драгоманова от возводимых на него обвинений диктовалось необходимостью отстоять репутацию собственной партии и сохранить репутацию одного из основоположников незапятнанной. Этот контекст объясняет и специфический пафос масштабного исследования, предпринятого М. К. Лемке в самом начале 1920-х гг. и опубликованного только в 2012 г., — в контексте послереволюционного времени антиреволюционная деятельность Драгоманова и его готовность к сотрудничеству с аристократическими конституционалистами квалифицировалась как свидетельство о подлинной природе российского либерализма, готового перед угрозой «слева» пойти на сотрудничество с существующим режимом. Вопреки заключению В. Я. Лаврычева, подведенного в 1992 г. итоги историографического спора о «Вольном слове», сложно согласиться с воспроизводимым им по существу тезисом Лемке (уклонявшегося, впрочем, от однозначной квалификации Драгоманова): «Связи некоторых либеральных общественных деятелей типа М. П. Драгоманова и В. А. Гольцева и других с П. П. Шуваловым наглядно свидетельствуют не только о контрреволюционности российского либерализма, но и о его политической бесхребетности и бесплодности, связанной с неистребимой склонностью к сговору и тайным сделкам с абсолютизмом» (Лаврычев, 1992: 192). Если после работы Лемке можно считать доказанной осведомлен-

ясь на опыт практического обсуждения национальной проблематики в Австро-Венгрии, Драгоманов окончательно дистанцируется от принци-

пность самого Драгоманова о «Святой дружине» и о характере связей с ней «Вольного слова», то, с другой стороны, сама «Святая дружина», и в особенности позиция графа П. П. Шувалова представляется далекой от «провокации»: скорее, для Шувалова речь шла о том, чтобы, противодействуя всеми возможными силами революционному движению, добиться осуществления конституционных планов, отчасти созвучных Драгоманову. Так, в записке, поданной П. П. Шуваловым в мае 1881 г. графу Воронцову-Дашкову, прямо ставится цель: доведение «до конечной цели, ей логически указанной [...] совокупности коренных реформ» предшествующего царствования, поскольку в отсутствие народного представительства была бы «поставлена непреодолима преграда нашей государственной жизни» (цит. по: Лемке, 2012: 41). Вместе с тем Шувалов утверждает, что осуществление подобной коренной реформы невозможно в текущий момент, поскольку «необходимо, чтобы введение нового порядка, идущего вразрез со всеми политическими преданиями русского правительства, *истекало из личной воли государя и признавалось знаком милости и доверия к народу, а не последствием каких бы то ни было требований или опасений* (выделено нами. — А. Т.)» (цит. по: там же: 41–42). Из этого вытекает двоякая программа: сначала введение чрезвычайных мер, непременно кратковременных («шесть месяцев, год — не более» — цит. по: там же: 45), а затем, когда сила правительства будет доказана, когда чрезвычайные меры приведут «к гибели анархистов и к успокоению благонамеренных граждан» (цит. по: там же), государь дарует народное представительство — даровать же последнее немедленно означало бы не привести к успокоению, а лишь усугубить смятение. Понятно, что между воззрениями графа Шувалова и Драгоманова была существенная разница, не исключавшая добросовестного сотрудничества с обеих сторон, — тем более, как пояснял Шувалов в докладе Исполнительному комитету «Святой дружины» осенью 1881 г. (включавшему, отметим, людей весьма различных воззрений, в том числе принципиально несогласных с любыми конституционалистскими проектами), «следует, по крайней мере на время, сузить район действия и ограничиться облавой на террористов, но такой облавой, в которой загонщиками были бы все, решительно все, конечно, за исключением самих революционеров. Допустив сию первую посылку, т. е. *необходимость некоторой снисходительности к нетеррористической оппозиции* (выделено нами. — А. Т.), казалось бы возможным заручиться участием огромного большинства населения...» (цит. по: там же: 87–88, ср. выписку из дневника В. Н. Смельского от 10 ноября 1881 г. о заседании Исполнительного комитета «Святой дружины», на котором обсуждалась амнистия для эмигрантов и административно-ссылных, — описывая реакцию членов комитета, Смельский пишет: «тогда, по их уверению, агитация крамольников умалится и, присоединившись к ним из партии умеренных, отступятся от террористов, и слаба будет партия крамольников» — цит. по: там же: 171). Национальные взгляды Драгоманова не служили значительным препятствием, поскольку, в глазах по крайней мере части членов Исполнительного комитета «Святой дружины», они не могли стать реальной силой. Так, в сообщении от 10 мая 1882 г. говорилось: «Нет сомнения, что украинofilы представляют из себя революционный элемент весьма преступный главным образом ввиду их стремления к национальной самостоятельности. Но вместе с тем следует сознаться, что это стремление, возмутительное для каждого русского, не представляет ни малейшей практической опасности. Отделение же украинofilов от общества „Народной воли“ не преминет ослабить революционное движение и главным образом террористическую партию» (там же: 428).

па «национального государства» как желаемой цели, поскольку исходит из невозможности образования национально-гомогенной территории — множественность национальных групп и их сосуществование на одной и той же территории принимается им как нормальное состояние, которое не только невозможно, но и не следует стремиться преодолеть. В связи с этим исходным образцом для проектируемого им областного разделения России выступает Швейцария, — комментируя составленный им «Опыт...», Драгоманов отмечает:

Вообще в пояснение и оправдание предлагаемого здесь на суд общества проекта областного разделения России можно сказать, что оно больше соответствует разделению Швейцарии, чем тому, к которому стремятся национальные политики Австрийской Империи: в Швейцарии живет население трех крупных национальностей: французской, немецкой и итальянской, и двух малолюдных разновидностей романского племени (так называемые ретороманцы в кантоне Граубюнденском) — и все эти национальности пользуются в своем месте полными правами, но в политическом отношении население швейцарское сгруппировано не в национальные области, а в кантоны, из которых многие имеют смешанный национальный состав (Драгоманов, 1905: 316–317).

В связи с этим на передний план выходит проблематика представительства и защиты прав меньшинств — как национальных, так и иного рода⁵. Драгоманов обсуждает различные юридические способы достижения желаемого результата, и, в частности, обращается к опыту «корпоративного» представительства («чтобы избирательные сходы были составлены из лиц близких местностей, а также однородных занятий, например, землевладельцы и земледельцы, ремесленник и торговцы, люди духовных занятий (так называемых профессий) и т. п.»: там же: 320) и первым опытам модификации избирательных систем в направлении пропорционального представительства:

⁵В 1884 г. он пишет: «желательно было бы, чтобы, не отступая от положения, что каждый гражданин должен иметь право непосредственного голоса, наши избирательные законы не сгоняли бы избирателей в чисто механические массы...» (Драгоманов, 1905: 320), отмечая с присущим ему доктринерством, «что старая народовольческая фразеология в Западной Европе сделалась теперь достоянием только отсталых в политическом образовании кружков да партии бонапартистов, которая [...] называет себя теперь „партией народного опроса“ (appel au peuple). Вообще же старая идея народного самодержавия разделила в наш век участь других самодержавий, духовных и светских, и заменилась идеей о *свободном государстве*, управляемом при всеобщем контроле и всеобщем участии в направлении общественных дел, но с гарантиями свободы лиц и групп, и даже политических меньшинств...» (там же: 369–370).

Понемногу оно входит в практику свободных стран, так, напр[имер], оно уже существует в Англии, по закону 1867 г., по которому в округах, где выбирается более 3 депутатов, никакой избиратель не может подавать голос более чем за двух кандидатов, так что меньшинство имеет всегда по крайней мере одного представителя на 3 выборных от большинства (Драгоманов, 1905: 320).

Уже в 1880 г. Драгоманов отчетливо формулировал, что приоритетом для него является «политическая свобода» (мыслимая как политическая свобода лица, от которой производными являются все иные, коллективные формы политической свободы), а не конституционное правление само по себе. В предисловии к публикации письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю 1847 г., полемически заостренному в адрес И. С. Тургенева, Драгоманов писал:

... люди, сознающие себя украинцами, каких бы философских, политических и социальных мыслей они ни были, одинаково заинтересованы в *устранении* в России *административного произвола*, или иначе в *установлении политической свободы*. Говорим *политической свободы*, а не *конституционного образа правления*, потому что это не одно и то же: политическая свобода — это значит, прежде всего, *свобода лица*, его веры, равно как и неверия, его национальной жизни, его слова, его группирования с другими, а самодержавный парламент, известным образом составленный, может всего это и не дать, как и самодержавный государь, и даже по большей части не дает, особенно в централизованных государствах. В частности относительно России мы почти вполне уверены, что Земский Собор Империи сохранит преобладание великорусской народности и интересов центральных московских провинций над всеми другими, особенно в вопросах школьных и экономических (напомним поведение парламентского большинства в Берлине относительно Познани и Эльзаса, в Вене и Пеште относительно славян, во Львове относительно русинов. — М. П. Драгоманов). А потому для нас, как для украинцев, также интересно ограничение власти и центрального земского собора провозглашением неприкосновенности *личных прав* (в число которых входят и национальные) и организацией *местного самоуправления*: общинного, уездного, губернского, областного, как и ограничение произвола царского. И так как только при этих двух условиях и возможна какая-либо действительная политическая свобода, то мы надеемся, что, по крайней мере, известная часть друзей свободы и среди великоруссов, особенно из окраинных губерний, поддержит эти требования неприкосновенности личных прав и широкой местной свободы, *без которых для невеликорусских народностей и в конституционной России жизнь останется почти так же невыносима, как невыносима она и в России царского самодержавия* (выделено нами. — А. Т.). Само собою

разумеется, что к так поставленному вопросу о политической свободе в России должны отнестись с сочувствием и поддержкою все люди не славянских «окраин» ее: литовцы, латыши, эсты, румыны, кавказцы, а также славяне-поляки, которые до сих пор считали более согласною с своими интересами программу не федерализма, а сепаратизма, при своего рода централизме, и даже финляндцы, которых местная жизнь всегда будет менее стесняема федеральною, чем централизованною Россией (Драгоманов, 1906: 248–249).

Год спустя, в приложении к украинскому сборнику «Громада», «Вільна Спілка — Вольный Союз», Драгоманов отмечал, что федерализация соответствует интересам не только нерусских народностей империи, но и великоруссов/русских по меньшей мере по двум причинам:

во-первых (довольно предсказуемо), выставляя принцип «за вашу и нашу свободу», поскольку «без широкого приложения федеративного принципа, т. е. без привлечения к борьбе и нерусских элементов России и родственных им заграничных элементов, невозможна победа над русским самодержавием, а вместе с тем [мы] убеждены и в том, что без местного самоуправления и федерации невозможна политическая свобода нигде, а особенно в России» (там же: 337);

во-вторых, представляя более сложный аргумент — что между существующим политическим порядком и объективной сложностью империи наличествует напряжение, которое будет только возрастать. «Централизованная российская монархия, самодержавная или парламентская» является, на его взгляд, нелепостью, но такой же нелепостью будет и «централизованное всероссийское „народное государство“ (Volksstaat)» (там же: 339), — политическая реальность не позволяет вполне и достаточно эффективно применить к Российской империи принципы национального государства, преобразовать первую в последнее. Но если так, то неизбежны «уступки началу местной свободы»: империя будет вынуждена делать изъятия для окраин, как не великорусских, так и великорусских (Драгоманов подразумевает в данном случае Сибирь), — однако противоречие с исходным принципом, стремлением к централизации, и делаемыми уступками приведет объективно к росту сепаратистских настроений — т. е. de facto централизация — все равно, самодержавная, конституционная или республиканская, — окажется стимулирующей рост центробежных сил: «При малейшей же уступке началу местной свободы, даже великорусские окраины России оттянутся от центра, а не-великорусские населения запада и юга тотчас почувствуют, что их нравственные и экономические интересы в массе случаев гораздо больше влекут их к их соплеменникам, находящимся вне России, чем

к нынешнему государству и его населению. Всякой несвоекорыстный и дальновидной политической и социальной партии в России гораздо лучше наперед иметь в виду это неизбежное центроудалительное движение в населении этого государства и сообразоваться с ним, чем не признавать его или даже противиться ему»⁶ (Драгоманов, 1906: 339).

В первой половине 1880-х гг. теоретические взгляды Драгоманова обрели продуманность и законченность — но именно на это время приходится низшая точка общественного внимания к его публицистике в Российской империи (см.: Тесля, 2016). Как писал он в 1892 г., «настоящее время [...] представляет своего рода антракт в общественной жизни России» (Драгоманов, 1892: VIII). Вновь востребованными они оказались на волне общественно-политического подъема начала XX века, однако при этом вне поля зрения оказались именно оригинальные и продуктивные идеи Драгоманова — в первую очередь внимание нового поколения привлекала проблематика политических прав и попытка сочетания либерализма с социализмом, на что обращали внимание редакторы парижского издания его сочинений. Б. А. Кистяковский, сын товарища Драгоманова по профессорской корпорации университета св. Владимира, А. Ф. Кистяковский, и сам хорошо знавший его в последние годы жизни, когда Драгоманов преподавал в Софии, отмечал в предисловии ко 2-му тому «Сочинений», вышедшему в 1906 г. в Париже, что тот «не считал нужным настаивать *в данный момент*» на национально-территориальной автономии Украины (Драгоманов, 1906:

⁶Уже в 1873 г., обращаясь к австрийской ситуации, Драгоманов писал в «Вестнике Европы»: «Славянофильство для славянофильства, братство для братства, федерализм для федерализма может занимать двух-трех дилетантов; для того же, чтобы какая-нибудь политическая сила сделала из этих идей свою программу, надо чтоб она видела в том свою выгоду, — чтобы кто-нибудь выступил в спор с другим, надобно, чтоб этот спор представлял практический интерес» (Драгоманов, 1908: 341). Стремясь добиться продуктивного соглашения с русскими либералами, Драгоманов отмечал, что целью украинского национального движения является национальная самостоятельность, которая либо может реализовываться в виде самостоятельного государственного сосуществования, либо в рамках федерации. Вопрос о том, какой вариант является предпочтительным и к чему надлежит стремиться, есть вопрос конкретный: «Поэтому-то украинским деятелям и благоразумнее по политическому вопросу усвоить программу не *сепаратистическую*, а *федералистическую*, в каждом государстве — в России, в Галиции, в Буковине, в Венгрии — сообразную с местными условиями и в союзе с местными демократически-федеральными элементами. Политическую целью украинцев, таким образом, является не только получение автономии для себя, но и превращение государств, которыми они поработены, в одну или несколько федераций, удобных для всех и слабых, и сильных племен» (Драгоманов, 1906: 247).

XLVIII), — иными словами, возвращался к логике образования гомогенной национальной территории как цели украинского национального движения, оставляя в стороне собственно федералистскую программу Драгоманова. А о том, сколь чуждой и малознакомой представлялась собственно федералистская проблематика большей части русского образованного общества накануне крушения Российской империи, шла речь в начале данной статьи: ключевые проблемы, занимавшие мысль Драгоманова в 1870–1880-х гг., так и остались не только невоспринятыми, но и в большинстве случаев незамеченными.

Источники

- Аксельрод П. Б.* Пережитое и передуманное. Кн. 1. — Берлин : Изд-во З. И. Гржебина, 1923.
- [*Драгоманов, М. П.*] «Народная Воля» о централизации революционной борьбы в России. — Женева, 1882. — (Отдельн. оттиск из «Вольного слова» №№ 37 и 38).
- Драгоманов М. П.* Историческая Польша и великорусская демократия. — Женева : Типография «Работника» и «Громады», 1883.
- Драгоманов М. П.* Предисловие // Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену / с объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. — Женева : Украинская типография, 1892. — С. v–xii.
- Драгоманов М. П.* Собрание политических сочинений. Т. 1. — Paris, 1905.
- Драгоманов М. П.* Собрание политических сочинений. Т. 2. — Paris, 1906.
- Драгоманов М. П.* Политические сочинения. Т. 1. Центр и окраины / под ред. И. М. Гревса, Б. А. Кистяковского. — М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1908.
- Пазухин А. М.* Современное состояние России и сословный вопрос. — В Университетской типографии (М. Катков), 1886.

ЛИТЕРАТУРА

- Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914 / под ред., пер. с англ. и коммент. Н. П. Проценко. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Грушевский М.* Миссия Драгоманова / пер. с укр. А. А. Тесли. — 2014. — URL: <http://gefter.ru/archive/12962> (дата обр. 15.01.2017).
- Заславский Д.* М. П. Драгоманов. Критико-биографический очерк. — Киев : Сорабкоп, 1924.
- Заславский Д.* М. П. Драгоманов (К истории украинского национализма). — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934.
- Засулчи В. И.* Воспоминания. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931.

- Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. — М. : Изд-во Моск. ун-та., 1968.
- Лаверычев В. Я.* Конституционализм или мистификация. (Полемика о «Вольном слове» в 1912–1914 гг.) // Отечественная история. — 1992. — № 2. — С. 184–194.
- Лемке М. К.* Святая дружина Александра III. (Тайное общество борьбы с крамолой). 1881–1882 годы. По неизданным документам / под общ. ред. Р. Ш. Ганелина ; в подг. Б. В. Ананьича [и др.] ; при уч. Е. А. Андреевой, Е. И. Носовой. — СПб. : Лики России, 2012.
- Полунов А. Ю. К. П.* Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Тесля А. А.* Народнический национализм Михаила Драгоманова (1860-е – 1-я пол. 1880-х гг.) // Вопросы национализма. — 2014. — № 19. — С. 152–164.
- Тесля А. А.* О понятии «федерализм» в социально-политических теориях М. А. Бакунина // Социологическое обозрение. — 2015. — Т. 14, № 3. — С. 136–152.
- Тесля А. А.* Национально-политические взгляды М. П. Драгоманова 1888–1895 гг. // Социологическое обозрение. — 2016. — Т. 15, № 1. — С. 94–111.
- Хрипаченко Т. И.* Понятия «федерация», «децентрализация», «автономия» в социалистическом и либеральном дискурсах Российской империи (конец XIX – начало XX века) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода : в 2 т. Т. II / под ред. Д. А. Сдвижкова, И. Ширле. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — С. 99–142.
- Христофоров И. А.* Судьба реформы : русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.) — М. : Собрание, 2011.
- Чичерин Б. Н.* Очерки Англии и Франции. — М. : Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Тип. Э. Барфкнехта и Комп., 1858.
- Чичерин Б. Н.* Воспоминания. В 2 т. Т. 1. Москва сороковых годов. Путешествие за границу. — М. : Издательство им. Сабашниковых, 2010.
- Шубин А. В.* Социализм. «Золотой век» теории. — М. : Новое литературное обозрение, 2007.
- Яценко А.* Что такое федеративная республика и желательна ли она России? — М. : Тип. Т-ва Рябушинских, 1917.

Teslya, A. A. 2017. "Federalizm M. P. Dragomanova [The Federalism of M. P. Dragomanov]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (1), 72–90.

ANDREY TESLYA

PACIFIC NATIONAL UNIVERSITY (KHABAROVSK)

THE FEDERALISM OF M. P. DRAGOMANOV

Abstract: Mikhail (Mikhaylo) Petrovich Dragomanov (1841–1895) is one of the most eminent persons of so-called "liberation movement" in the Russian Empire, one of the key figures in the history of the Ukrainian national movement of the XIX century, the famous historian and the ethnographer. Due to various circumstances, in the XX century his contribution to the development of Russian social thought was relatively underestimated—in particular—his works on federalism stayed out of focus of researchers attention. In these works he sought not only to apply the existing theories to the conditions of the Russian and Austro-Hungarian empires, but he comes from specific problems, for example, the issues generated by the national movements of the so-called "Young nations", to reconsider existing theoretical models. In our opinion of special interest represent the his attempt to connect anarchist and public-legal understanding of federalism, to establish a constitutionalist project on the rights of man and citizen. Dragomanov's attention to federalist problems is clearly concentrates from the beginning of the 1870s, however his theoretical views reach completeness of development in 1882–1884 in the context of the discussion of the program of the "Zemsky's Union" (fictitious organization, the provocative project of the Sacred Druzhina) and the experience of applying the basic provisions of the latter to Ukrainian conditions. Sensitive reacting to the current Western European political agenda and seeking to carry out broadcast of an urgent perspective in the Russian social thought Dragomanov in the context of elaboration of the federalistic project especially stops on questions of protection of the rights of minorities, representations of the last, opportunities to combine the territorial principles of the political organization and national heterogeneity. The proposed approaches of him to federal problems were far from being fully claimed by the Russian constitutional discussions of the beginning of the XX century including within the Ukrainian national movement, however they are of great interest as experience of estimation of a possible way of transformation of imperial orders in the conditions of transition to a late modernist style.

Keywords: Autonomism, Anarchism, Constitutionalism, Nationalism, Regionalism, Federalism, Ukrainophilism.

REFERENCES

- Aksel'rod, P. B. 1923. *Perezhitoye i peredumannoye. Kn. 1 [Experiences and Reflections. Book 1]* [in Russian]. Berlin: Izd-vo Z. I. Grzhebina.
- Chicherin, B. N. 1858. *Ocherki Anglii i Frantsii [Essays on England and France]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdaniye K. Soldatenkova i N. Shchepkina. Tip. E. Barfknekhta i Komp.
- . 2010. *Moskva sorokovykh godov. Puteshestviye za granitsu [Moscow of the 1840s. Travelling Abroad]* [in Russian]. Vol. 1 of *Vospominaniya [Memories]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyykh.

- [Dragomanov, M. P.] 1882. "Narodnaya Volya" o tsentralizatsii revolyutsionnoy bor'by v Rossii ["Narodnaya Volya" on the Centralization of the Revolutionary Struggle in Russia] [in Russian]. Zheneva.
- Dragomanov, M. P. 1883. *Istoricheskaya Pol'sha i velikorusskaya demokratiya* [Historical Poland and Great-Russian Democracy] [in Russian]. Zheneva: Tipografiya "Rabotnika" i "Gromady".
- . 1892. "Predisloviye [Preface]" [in Russian]. In *Pis'ma K. Dm. Kavelina i Iv. S. Turgeneva k Al. Iv. Gertsenu* [The Letters By K. Kavelin and I. Turgenev to A. Herzen], v–XII. Zheneva: Ukrainskaya tipografiya.
- . 1905. *Sobraniye politicheskikh sochineniy* [Collected Political Works] [in Russian]. Vol. 1. Paris.
- . 1906. *Sobraniye politicheskikh sochineniy* [Collected Political Works] [in Russian]. Vol. 2. Paris.
- . 1908. *Tsentr i okrainy* [Center and the Outskirts] [in Russian]. Vol. 1 of *Politicheskiye sochineniya* [Political Works], ed. by I. M. Grevs and B. A. Kistyakovskiy. Moskva [Moscow]: Tip. T-va I. D. Sytina.
- Grushevskiy, M. 2014. "Missiya Dragomanova [The Dragomanov's Mission]" [in Russian]. Accessed 2017-01-15. <http://gefter.ru/archive/12962>.
- Khrpachenko, T. I. 2012. "Ponyatiya 'federatsiya', 'detsentralizatsiya', 'avtonomiya' v sotsialisticheskoy i liberal'nom diskursakh Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX veka)" [The Concepts of 'Federation', 'Decentralization', 'Autonomy' in Socialist and Liberal Discourses of Russian Empire (Late Eighteenth – Early Twentieth Century)] [in Russian]. In *"Ponyatiya o Rossii": K istoricheskoy semantike imperskogo perioda* ["Concepts of Russia": Toward a Historical Semantics of the Imperial Period], ed. by D. A. Sdvizhkov and I. Shirle, 11:99–142. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Khristoforov, I. A. 2011. *Sud'ba reformy : russkoye krest'yanstvo v pravitel'stvennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-ye gg.)* [The Fate of a Reform. The Russian Peasantry in Government Policy before and after the Abolition of Serfdom] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Sobraniye.
- Laverychev, V. Ya. 1992. "Konstitutsionalizm ili mistifikatsiya. (Polemika o 'Vol'nom slove' v 1912–1914 gg.)" [Constitutionalism or Mystification (The Debates on 'Vol'noye Slovo' in 1912–1914)] [in Russian]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 2: 184–194.
- Lemke, M. K. 2012. *Svyataya družhina Aleksandra III. (Taynoye obshchestvo bor'by s kramoloy). 1881–1882 gody. Po neizdannym dokumentam* [Alexander III's "Svyataya družhina" (A Secret Society for the Fight against Sedition): 1881–1882] [in Russian]. Ed. by R. Sh. Ganelin. Red. by B. V. Anan'ich et al. In collab. with Ye. A. Andreyeva and Ye. I. Nosova. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Liki Rossii.
- Pazukhin, A. M. 1886. *Sovremennoye sostoyaniye Rossii i soslovnyy vopros* [Current State of Russia and the Problem of Estates] [in Russian]. V Universitet'skoy tipografii (M. Katkov).
- Polunov, A. Yu. 2010. *K. P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Rossii* [K. P. Pobedonostsev in Political and Spiritual Life of Russia] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN).
- Shubin, A. V. 2007. *Sotsializm. "Zolotoy vek" teorii* [Socialism. The "Golden Age" of the Theory] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Teslya, A. A. 2014. "Narodnicheskyy natsionalizm Mikhaila Dragomanova (1860-ye – 1-ya pol. 1880-kh gg.)" [The Narodnik Nationalism of Mikhail Dragomanov (the 1860s – First Half of the 1880s)] [in Russian]. *Voprosy natsionalizma*, no. 19: 152–164.

- . 2015. “O ponyatii ‘federalizm’ v sotsial’no-politicheskikh teoriyakh M. A. Bakunina [On the Concept of ‘Federalism’ in Socio-Political Theories of Mikhail Bakunin]” [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* 14 (3): 136–152.
- . 2016. “Natsional’no-politicheskiye vzglyady M. P. Dragomanova 1888–1895 gg. [The National-Political Views of M. P. Dragomanov in 1888–1895]” [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* 15 (1): 94–111.
- Vallersteyn, I. [Wallerstein, I.] 2016. *Triumf tsentrist-skogo liberalizma, 1789–1914* [*Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*] [in Russian]. Vol. IV of *Mir-sistema Moderna* [*The Modern World-System*], ed., trans. from the English, and comm. by N. P. Protsenko. Moskva [Moscow]: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
- Yashchenko, A. 1917. *Chto takoye federativnaya respublika i zhelatel’na li ona Rossii?* [*What is Federative Republic and Is It Advisable for Russia?*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tip. T-va Ryabushinskikh.
- Zakharova, L. G. 1968. *Zemskaya kontrreforma 1890 g.* [*Zemstvo Counter-Reform of 1890*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Zaslavskiy, D. 1924. *M. P. Dragomanov. Kritiko-biograficheskiy ocherk* [*M. P. Dragomanov: The Critico-Biographical Sketch*] [in Russian]. Kiyev [Kiev]: Sorabkop.
- . 1934. *M. P. Dragomanov (K istorii ukrainskogo natsionalizma)* [*Towards the History of Ukrainian Nationalism*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl’no-poselentsev.
- Zasulich, V. I. 1931. *Vospominaniya* [*Memories*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl’no-poselentsev.